

ДАВАТЬ И БРАТЬ: МОДУСЫ ВЕЩИЗМА И АНТИВЕЩИЗМА

Щелканова Н. Ю.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный педагогический университет» (ФГБОУ ВПО ОмГПУ), Омск, Россия (644043, Омск, Набережная Тухачевского, 14)

В данной статье модусы вещизма и антивещизма соотносятся соответственно с позициями «брать» и «давать». Указанные позиции давно изучаются и составляют известную оппозицию. В процессе разрешения конфликта сторона антивещизма рассматривается в качестве положительной, а вещизма, зачастую, как отрицательной. Рассматривая точки зрения различных исследователей на эту тему, мы обращаем внимание на невозможность такой однозначной трактовки проблемы, поскольку негативное отношение к позиции «брать» приводит к различного рода деформациям человеческой личности. Вещь как одно из оснований культуры играет огромную роль в жизни человека. Вещь является той единицей, которая в некотором смысле обеспечивает нормальное существование индивида. Антивещизм, выраженный в попытке отдать, отказывается от вещей, правомерен до определенной степени, иными словами, определяется категорией меры.

Ключевые слова: вещь, давать, брать, вещизм, антивещизм.

TO GIVE AND TO TAKE: THE MODI OF MATERIALISM AND ANTI-MATERIALISM.

Schelkanova N. Y.

Federal state budget educational establishment of higher professional education «Omsk state pedagogical University» (FSBEE HPE OmSPU), Omsk, Russia (644043, Omsk, Tuhachevskiy's embankment, 14)

In the article the modi of materialism and anti-materialism are correlated respectively with the positions “to give” and “to take”. The pointed positions have been studied for a long time and they form a well-known opposition. In the process of solving this conflict the side of the anti-materialism is considered to be positive and the materialism side is frequently considered to be a negative one. Taking into consideration the points of view of different explorers, we pay attention to the impossibility of such an interpretation of the problem, because the negative attitude to the position “to give” leads to the different kinds of human personality deformations. The thing, being the basis of the culture, plays a huge role in a man’s life. The thing is the very unit, that in some words, provides normal being of person. Anti-materialism, expressed in an attempt to give and to give up things, is rightful up to the exact extent, in other words, is defined by the category of measure.

Key words: thing, to give, to take, materialism, anti-materialism.

Целью данного исследования является анализ существующих точек зрения на позиции «давать-брать» с точки зрения вещизма и антивещизма.

Среди крупных мыслителей, писавших об указанном отношении, можно назвать В. Зомбарта с его работой «Буржуа» и Э. Фромма, рассматривающего данную проблему в труде «Иметь или быть», «Философию хозяйства» С. Н. Булгакова. Этот вопрос прочитывается и у многих других авторов, а также присутствует в обыденных суждениях. Среди религиозных направлений, пожалуй, нельзя найти таких, которые бы не поднимали этого вопроса, решая его, в большинстве своем, в пользу «отдавать».

Взаимоотношения с вещью могут быть рассмотрены в рамках концепции «давать и брать», известной испокон веков. Многие религиозные мыслители сходятся на том, что человек не может забрать с собой из земного существования те вещи, которые сопутствовали ему при жизни, однако, обычаи хоронить человека вместе с принадлежавшими ему вещами широко

распространены по всему миру. Идеи о том, насколько благородно отдавать так же популярны, как и идеи о положительной роли богатства в человеческой жизни. Так, например, в протестантизме получение всяческих благ подтверждает правильность религиозного пути, высшее одобрение Создателем. Э. Фроммом потребность иметь вещи обосновывается как естественное и нормальное состояние, имеющее в своем основании биологическое желание жить. А, к примеру, учение буддизма направлено на избавление от кармы, а вместе с тем и от всяческих пут этого мира, на развитие способности отказаться не только от своих вещей, но и отдаться свободному течению происходящего, без эмоционального сопротивления. Согласно христианскому учению отдавать ближнему даже последнее почетно, в то время как наживание богатств осложняет приближение к «царству небесному».

В основе данного разделения лежат различные представления: о свободе и несвободе личности от вещи, о существовании определенных типов личности, о способах существования человека, о противоречии между фундаментальными потребностями человеческой природы и способом их удовлетворения [7, с. 12], в нашем случае, о вещизме и антивещизме. Вещизм мы понимаем как явление культурное, отражающее качество человеческой природы, выражающееся не только в безмерном накоплении и потреблении вещей, но и, скорее, в желании иметь их, стремлении к ним, в отсутствии потребности в самоограничении, а также в позиции «брать», «иметь». Антивещизм, проявляющий себя как критика вещизма, снижающая роль вещи в культуре, соотносится, в данном случае, с желанием или убежденностью в необходимости отдавать. Изучение вопросов вещизма и антивещизма не ограничивается исследованием только области модусов «давать» и «брать», поскольку эти феномены имеют множество культурных воплощений. Однако освещение небольшого фрагмента этой проблемы представляет собой научный интерес.

С потребностью в накопительстве связаны представления о жадности. М. Монтень как-то сказал: «...наши глаза алчут большего, чем может вместить наш желудок» [4, с. 224], подчеркнув, что человеку присуще ставить на первое место не реальные потребности, а все более и более возрастающие желания. «Правильнее было бы внушить людям презрение к золоту и шелкам, как вещам суетным и бесполезным» [4, с. 289], говорится в главе его книги «Опытов» «О законах против роскоши». Невозможность удовлетворения этой жадной страсти приводит к разложению морального облика индивида, что регулярно подчеркивается в разного рода религиозных трактатах, морализаторских настроениях, проявляющихся в равной мере прямо и косвенно в самых разных источниках. С этими представлениями теснейшим образом связаны такие оценочные суждения, как: скряжничество, нажива,

скупость, мещанство, вещизм, накопительство, продажность и т.д., все они, как известно, отнюдь не носят поощрительного и одобрительного характера.

Чрезмерная экономия и скромность ради накопления всевозможных средств характерна для мещанства, широко распространенного в европейской культуре 17 века, как убедительно показывает автор «Буржуа». Мелочность и скрупулезность по отношению к хозяйствованию являются также темой высмеивания в таких блестящих произведениях русской литературы, как чеховские рассказы, работы Н. В. Гоголя, М. Горького и других писателей. Темы мещанства, жадности, вещизма популярны в мировой литературе как художественного, так и научного характера.

Человек, способный отдавать, воспринимается как свободный, в то время как бесконечно берущий – как раб своих вещей и своей же страсти к ним. Вещь заставляет человека заботиться о себе, создавать вещи для хранения вещей, вещи для обслуживания вещей и прочее, а значит, тратить свое время и творческую энергию на эти процессы. Кроме того, вещь способна привязывать к себе: покупая что-то дорогое, человек не захочет расстаться с этим, так же он желает демонстрировать этот предмет, постепенно отождествляя себя с ним, и хочет, чтобы окружающие также соотносили его с указанной вещью. Согласно представлениям Ж. Бодрийяра, одна вещь провоцирует человека создавать целый ряд их, формировать определенное «вещное окружение», тщательно подобранное и соответствующее в деталях. Желание иметь какой-то один предмет рождает стремление к составлению гармонического ряда таких же предметов, вещей в «одном стиле», т.к. разрозненность предметного окружения, так называемой «вещесферы» индивида еще не способна порождать тот «текст», к которому он стремится.

У В. Зомбарта разделение на «дающих» и «берущих» коррелирует с представлениями о наличии двух начал в человеческой природе: эротического и хозяйствующего. Также он называет их сеньориальным и мещанскими. «Они различно оценивают мир и жизнь: у тех верховные ситуации, субъективные, личные, у этих – объективные, вещные; те от природы – люди наслаждения жизнью, эти – прирожденные люди долга; те – единичные личности, эти – стадные люди; те – люди личности, эти – люди вещей; те – эстетики, эти – этики...» [3, с. 155]), а также «художники (по склонности, не по профессии) – одни, чиновники – другие» [3, с. 156]. Главным принципом, который разграничивает определение мещанской и эротической натуры, у него становится представление о том, что для второй главнейшей ценностью, определяющей ее существование, является ценность любви [3, с. 157]. Автор заключает: «В центре всех жизненных ценностей стоит либо хозяйственный интерес (в самом широком смысле), либо любовный интерес. Живут, либо чтобы хозяйствовать, либо чтобы любить. Хозяйствовать – значит сберегать, любить – значит расточать» [3, с. 157].

По мнению Э. Фромма, люди, живущие по принципу обладания, прячут свое лицо под маской постоянной лжи, вольной или невольной; тратят свою энергию на подавление истины. «Природа обладания вытекает из природы частной собственности. При таком способе существования самое важное – это приобретение собственности и мое неограниченное право сохранять все, что я приобрел. В буддизме этот способ поведения описан как «ненасытность», а иудаизм и христианство называют его «алчностью»; он превращает всех и вся в нечто безжизненное, подчиняющееся чужой власти» [7, с. 103]. Э. Фромм также отмечает зависимость между эротизмом и хозяйственностью, но у него это предположение содержится в иной форме: «Во многих так называемых примитивных обществах не существует вообще никаких табу на секс. Поскольку в этих обществах нет эксплуатации и отношений господства, им нет нужды подавлять волю индивида» [7, с. 105]. Здесь приводится мысль о том, что человеком, ограниченным в сексуальном плане проще управлять, манипулировать, поскольку его желания перестают быть свободными. Так, свобода также соотносится с эротизмом, а отношения господства требуют других, ограничительных санкций, где ожидаемым результатом должна стать программируемая в хозяйственном отношении деятельность индивида.

Однако здесь требуется поправка: любые сферы человеческого существования могут регулироваться принципом «брать», поскольку, как замечает автор «...алчность – это естественный результат ориентации на обладание. Это может быть алчность скряги или барышника, алчность ловеласа или любительницы наслаждений» [7, с. 138].

С.Н. Булгаков в «Философии хозяйства» размышляет о потреблении мира как необходимости, вызванной самой жизнью: мы вынуждены брать у мира средства для собственного существования – воздух, пищу, одежду и все предметы, использование которых служит человечеству. «Под питанием в широком смысле можно разуметь самый общий обмен веществ между живым организмом и окружающей его средой, так что сюда относится не только собственно еда, но и дыхание, воздействие атмосферы, света, электричества, химизма и других сил природы на наш организм, насколько в результате его получается жизнотворный обмен веществ. В своей совокупности это потребление мира, бытийственное общение с ним, коммунизм бытия, обосновывает все наши жизненные процессы. Сама жизнь в этом смысле есть способность потреблять мир» [1, с. 70]. Поедание мира становится своеобразным причастием плоти мира, единственной возможностью стать его частью. Процесс этого потребления рассматривается как нормальный, естественный и необходимый.

В. Я. Пропп также упоминает оппозицию «давать – брать». В его работе «Морфология волшебной сказки» представлены несколько типов персонажей сказок, где для нас особый

интерес представляют «герой-искатель» и «герой-даритель (или снабдитель)». Сказка рассматривается в виде определенного алгоритма, с вероятными вариантами, где отношения между дарителем и искателем осуществляются через передачу волшебного предмета от первого ко второму. Наличие этих двух видов героев в его типологии говорит о существовании определенных архетипов в культуре.

М. Вебер раскрывает интереснейшие воззрения, рассматривающие категории «давать» и «брать» в рамках протестантизма. Центральным догматом всех протестантских исповеданий он считает не пренебрежение мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а «исключительно выполнение мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его местом в жизни; тем самым эти обязанности становятся для человека его «призванием» [2, с. 44]. Также он заявляет, что монашеский образ жизни, с точки зрения Лютера, - это «порождение эгоизма и холодного равнодушия, пренебрегающего мирскими обязанностями человека» [2, с. 45], т.к. верующий должен принимать дары Бога, не для собственных утех, а для того, чтобы «иметь возможность употребить их на благо Ему, когда Он того пожелает», а значит, «*для Бога следует вам трудиться и богатеть*». «В качестве же следствия выполнения профессионального долга богатство морально не только оправдано, но даже предписано. *Желание* быть бедным было бы равносильно, как часто указывается, желанию быть больным и достойно осуждения» [2, с. 116]. Так, профессиональная деятельность, или труд, как средство борьбы с пороками лени и успокоенности, должна быть успешно реализована, и «побочным» результатом этого может стать материальный излишек. Он рассматривается как положительный, а значит, «брать» в этом понимании должно, это лишь следствие и признак профессионального благополучия. Принцип «давать» также не отвергается здесь, поскольку он становится настоящим смыслом трудовой деятельности. Создание материальных средств в процессе труда имеет своей целью возвращение их нуждающимся, поскольку богатство должно служить практическим целям, а не личному наслаждению. Однако, замечает автор, «главным парадоксом всякой рациональной аскезы, было то, что она сама создавала богатство, ею же отрицаемое, что служило препоной монахам всех времен. Храмы и монастыри повсюду становились средоточием рационального хозяйства, в то время как монах должен был существовать на то, что предоставляла ему природа и добровольно жертвовали люди: ягоды, корни и подаяние» [2, с. 247-248].

В советское время расставание с вещами происходило очень сложно, поскольку, как известно, вещь, видоизменяясь и старея, не покидала человека, а меняла свои функции, скажем, превращаясь из одежды в тряпки и другие рукотворные изделия. Для тех времен был характерен обмен вещами, т.е. их вроде бы отдавали, но фактически вещи не покидали одного круга: семейного, дружеского, соседского. Они не выбрасывались «до последнего»,

не уничтожались, а переходили из рук в руки. Так, вещи постепенно превращались в мусор, которым захламлялись антресоли, вызывая ощущение духоты и тесноты. Избавление от вещей носит и в самом деле очищающий, освобождающий характер – ненужные, они перестают лежать «мертвым грузом», нередко забытые, загромождающие жизненное пространство и провоцирующие такие анекдоты, как «шкаф завален, а надеть нечего». Необходимость постоянного присмотра за вещами также сковывает, возможность их утраты удручает и заставляет принимать дополнительные меры предосторожности. Со временем привычка обладать вещами заставляет многих испытывать дискомфорт при расставании с ними. Такой вынужденный вещизм той действительности был обусловлен политико-экономическими причинами.

Классическим проявлением модусов «давать» и «брать» в культуре разных народов являются просьба и дар, или молитва и жертва. Молитва, обращенная к высшим силам, всегда имеет своей целью прошение определенных благ: богатства, здоровья, милости. Жертва – это в основе своей попытка «задобрить» богов с целью, опять-таки, получения каких-либо выгод или минимизации возможных лишений. Первобытный человек осознает, что для того, чтобы что-то получить, ему нужно от чего-то отказаться; все в его представлении имеет свою цену. Уже тогда возникает идея, что богов, высшие силы можно, условно говоря, «подкупить», пусть и огромной ценой. Сначала степень «угодности жертвы измеряется тяжестью потери» [6, с. 478], затем возникает идея «сократить издержки на жертвы и без ущерба для их действенности»: человеческое жертвоприношение заменяется вещественным, возникает даже попытка «обмануть» богов – выменять что-то ценное на бесполезное. Так происходит в мифе о Прометее, где он перехитрил самого Зевса, подсунув ему кости и внутренности вместо мяса. «Обычай заменять дорогие приношения имитациями, не имеющими никакой цены, превратился в Китае в изготовление различных эмблем» [6, с. 248], предназначенных, правда, не богам, но почитаемым предкам. «Испанские доллары из картона, покрытого фольгой, листы фольги, изображающие серебряную монету, а если они окрашены в желтый цвет - то золотую, продаются такими массами, что эта подделка становится делом весьма серьезным» [6, с. 248]. Так, и молитва, и жертва, отражают желание иметь, «брать», даже если внешне это выражено уступкой, даром.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что оппозиции «давать» и «брать» зачастую обусловлены общекультурными ценностями, хотя нельзя недооценивать также религиозный фон или политику страны. Религиозная или политическая идеология, как правило, широко проповедуется в массах, ориентируя ее на добровольные пожертвования другим, нуждающимся, равно как и на трудолюбие и накопительство. Также идеи вещизма и антивещизма проповедуются в широких массах. Трудно сказать, что какая-то их этих двух

концепций, согласно историческим фактам, принесла неимущим больше пользы, однако, каждый раз со сменой исторической парадигмы эти идеи вновь выходят на историческую арену, позиционируясь в качестве благородных и необходимых для достойной жизни.

Преследуется ли негативными высказываниями факт наличия богатства у того или иного индивида? Исторически эта традиция меняется, чередуя представления о неприемлемости вещных излишков с допущениями его в случае соблюдения таких норм, как благоразумность в его приобретении и непривязанность к нему. Бесконечное мотовство также не получает одобрения. Способность отдать «последнюю рубашку» нуждающемуся в христианском мире, несомненно, приветствуется, однако, возможность спустить состояние ради своих собственных нужд, таких как роскошные приемы и карточные игры, имела место, но никогда не представлялась разумной и достойной похвалы. Главными критериями в определении границ того и другого служат представления о мере и о том векторе, который регулирует нормальные пределы приобретательства и расточительности.

Что дает самому человеку установка на принцип «давать»? Принято считать, что свободу, независимость. Однако это возможно лишь тогда, когда этот процесс является добровольным. Роскошь такого выражения антивещизма в пессимистическом варианте уже содержит в себе декадансные настроения. Отсутствие возможности пользоваться принципом «брать» при необходимости постоянно «давать» вызывает сопротивление и бунт. Неумение пользоваться принципом «брать» рождает состояние угнетенности и подавленности. Отказ от владения вещами в итоге может привести к деградации и вырождению. Бесконечная ориентация на «давать» может быть не менее губительной для личности, чем другая крайность, получавшая гораздо больше критических комментариев в самых различных эпохах и культурах. Негативные оценки вещизма не должны оказывать влияние на личность в той степени, которая способна сформировать уже фанатичный антивещизм.

В заключение приведем притчу «Кулак Мокусэна» учителя дзен-буддизма, раскрывающую идею необходимости гармоничного сочетания двух представленных концепций.

«Мокусэн жил в храме в провинции Томи. Как-то один из его последователей пожаловался ему на скупость своей жены. Мокусэн пришел к ней и выставил перед ее лицом крепко сжатый кулак. «Что это значит?» - спросила изумленная женщина. «Если бы моя рука была такой всегда, как бы это называлось?» – спросил он. «Увечьем», – ответила женщина. Тогда он распрямил ладонь перед ее лицом и спросил: «А если бы она всегда была вот такой, что бы это было?» «Другое увечье», – ответила женщина. «Если ты это понимаешь, – заключил Мокусэн, – ты хорошая жена». И ушел. После этого жена стала помогать мужу не только накапливать, но и тратить» [5, с. 32].

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Философия хозяйства [Текст] / С. Н. Булгаков. – М.: Наука, 1990. – 412 с. – (Социологическое наследие).
2. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 656 с.
3. Зомбарт В. Буржуа [Текст] / В. Зомбарт: пер. с нем., Ин-т социологии. – М.: Наука, 1994. – 443 с. (Сер. «Социологическое наследие»).
4. Монтень М. Опыты. Избранные произведения: в 3 т. Т. I [Текст] / М. Монтень: пер. с фр. – М.: Голос, 1992. – 384 с.
5. Саген М. Хлопок одной ладони: золотая коллекция притч мастеров дзэн-буддизма [Текст] / М. Саген. – Рн/Д: Феникс; Краснодар: Неоглори, 2008. – 249 с.
6. Тайлор Э. Б. Первобытная культура [Текст] / Э. Б. Тайлор: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
7. Фромм Э. Иметь или быть? [Текст] / Э. Фромм: пер. с англ. Н. И. Войскунской, И. И. Каменкович; общ. ред. и вступ. ст. д-ра филос. наук В. И. Добренькова. – М.: Прогресс, 1986. – 238 с.

Рецензенты:

Нефедова Людмила Константиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии ФГБОУ ВПО ОмГПУ, г. Омск.

Горнова Галина Владимировна, доктор философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВПО ОмГПУ, г. Омск.